

Ранней весной вся братия в Теософической квартире переболела инфлуэнцей¹. Уж очень была сурова в Англии зима [18]90–[18]91 года; на всех более или менее сказывались последствия холода и простуд. 11 (23) Апреля в четверг Е.П.Блаватская в последний раз была в зале лекций, присутствуя при четверговом митинге, а по окончании его еще посидела с ближайшими членами Общ^{ества} в гостиной, и двое-трое из живших с нею последовали за ней в ее комнату, пока она² пила свою чашку чая пополам с молоком. В субботу она чувствовала себя хорошо; долго, до одиннадцати часов вечера, весело беседовала с своими сожителями и простилась, общим поклоном их отпустив от себя со словами: «Покойной ночи всем!»

То были последние слышанные ими спокойно-веселые слова ее. Рано утром горничная, войдя в ее спальню, застала ее в сильно лихорадочном состоянии, и доктор Меннель (очень искушенный врач, постоянно лечивший сестру), за которым сейчас послали, объявил, что у нее тоже инфлуэнца, и ввиду ее хронических постоянных страданий сразу отнесся к болезни очень серьезно. Два-три дня температура была очень высока, но к четвергу удалось ее сбавить. Все эти дни Е[лена] П[етровна] хотя не выходила из спальни, но иногда садилась в свое большое кресло, поставленное к кровати ее и даже интересовалась всем, расспрашивая о делах, о состоянии больных. Некто Стёрди³, деятельный член Общества, заболел опасно. Зная, что за ним некому присмотреть, она тотчас распорядилась – послала за ним экипаж, чтоб его привезли в их общежитие, и когда секретарь ее, Мид, привез его, она расспрашивала, жалея больного и прося всех за ним присмотреть. Но, к несчастью, никого не было возле нее, на кого можно было бы всецело положиться. Несмотря на предупреждения Д-ра Меннеля, возле сестры моей не было никого из старших дам, ее окружавших: все по-прежнему занимались делами, когда следовало оставить все занятия, оберегая ее одну. Правда, Мрс Безант не было: она была на съезде в Америке; на графине Вахтмейст[е]р лежало все дело – она как всегда проводила целые дни за десять верст в конторе [в] Сити, вероятно успокоенная улучшением состояния Е[лены] П[етровны]. Правда и то, что, как я уж говорила, все жившие в общине или болели, или выздоравливали сами от болезней, но следовало сразу взять опытную сиделку... Факт тот, что едва спал жар инфлуэнцы и Е[лена] П[етровна] начала поправляться, как кто-то неосторожно бросил двери незапертыми, поднялся сквозняк; больная, боясь двинуться с места, звала, звонила, но пока ее услышали и прибежали – простуда сделала свое дело! К вечеру у нее захватило горло, открылся бронхит, нарывы в горле, жар вернулся и все пошло к худшему.

Тогда наконец призвали сиделку, к несчастью поздно. Елена Петровна до того ослабела, что сама заявляла доктору, что вряд ли хватит у нее сил бороться долее, что она вероятно умирает.

В прежних болезнях мысль о смерти ей не приходила никогда.

Бывшие возле нее, тем не менее, свидетельствуют, что она мужественно боролась с недугом. В среду 24 Апр[еля] даже пыталась одеться. Она встала на следующий день в три часа дня и перешла в другое отделение комнаты, где села к своему столу и попробовала разложить пасьянс, однако слабость ее была такова, что руки не держали карт и ее постоянно должны были обвевать легонько веерами, потому что ей было трудно дышать. Горло не болело и жару совсем не было, но ее убивала слабость, совершенное истощение сил. Когда в пять часов приехал доктор, постоянно ее навещавший утром и вечером, он обрадовался и поздравил ее, говоря, что сила ее собственной воли важнее его лекарств. С трудом удалось ей, как всегда, свернуть ему сигаретку – это была ее последняя услуга... Сама она уж несколько дней не курила. Доктор Меннель привез с собою другого консультанта и оба решили, что опасность *от болезни* миновала, но что общее состояние внушает опасенья вследствие истощения сил...

Перейдя в тот вечер на постель, Елена Петровна страшно ослабела, несмотря на коньяк, который ей давали чрез каждые два часа по ложке. Однако она с участием выслушала доклад о

¹ См., например: *Ашъ*. Инфлуэнца в парламенте. Лондон, 13 (1) мая // Московские ведомости, 1891, №127, 10 мая; Инфлюэнца в Лондоне // Московские ведомости, 1891, №131, 14 мая.

² Далее зачеркнуто: *в*.

³ Стерди Эдвард Торонто (1860–1957) – английский ученый-санскритолог, член Теософского общества (1885–1894), член его Эзотерической секции и Внутренней группы.

состоянии других больных, интересуясь также, как идет обычный в этот день митинг. Но оказалось, что она не могла лежать, задыхаясь от одышки, и только к утру, сидя вся обложенная подушками в кресле, успокоилась немного.

В девять часов в пятницу 26 Апр[еля] (8 мая) доктор нашел пульс гораздо лучше и успокоил всех. Но к полудню быстрая перемена к худшему опровергла его решения: всем стало ясно, что наступил решительный час... Передаю слово очевидцу.

«Сиделка утверждала, что все окончится через несколько часов; но когда я⁴ склонилась к ней, пробуя освежить ее запекшиеся губы, я увидела, что дорогие нам глаза уже затуманились, хотя она была в полной памяти до последней секунды... Когда сиделка вышла, увидав, что все кончится сейчас же, я обняла умирающую, придерживая ее склонившуюся голову. Райт и Ольд⁵ опустились на колена у кресла, каждый держа ее руку, и так мы благовеино замерли и недвижимо, безмолвно следили за отходом обожаемого нами друга и наставницы долгие, долгие минуты. Так тихо и мирно ушла она, что никто из нас не уловил ее последнего вздоха. Великое чувство мира и покоя снизошло на нас... Не умею сказать, сколько времени мы стояли неподвижно. Я опомнилась и увидела себя тоже на коленях, только когда взошла моя сестра, а потом графиня и доктор...»

Через три дня рано утром в блестящий Майский день гроб, где покоилось все убранный цветами тело Елены Петровны Блаватской, без всякого торжества или траурных шествий шесть человек преданных ей друзей и последователей учения ее вынесли из дому и поставили на колесницу, которая довезла его только до станции Ватерло[o]. Там встретили его многие члены Об[щества], но помня неперменное ее желание, – чтоб не было никаких демонстраций на ее погребении, – желавшие присутствовать на кремации тела сговорились приехать в Уокинг (Woking), где находится крематориум⁶, разными способами и путями.

Над гробом у дверей пекла, которое должно было превратить в прах земные останки основательницы и вдохновительницы Теософического братства, ее ближайший помощник в последние два года по письменным делам и вместе Генеральный секретарь Европейской секции Т.Р.С. Мид сказал надгробное слово, из которого я приведу отрывки:

«Друзья и Братья Теософисты!

Елена Петровна Блаватская – умерла. Но друг наш и учитель “Н.Р.В.” жива навеки в сердцах наших и памяти. Эта мысль должна нас утешать в неизбежной скорби о том, что личности ее с нами более нет. Нет ее – во плоти, но великая и благородная душа, учившая нас жить честно, чисто и самоотверженно – жива и деятельная!.. Ее великое дело в последнем ее воплощении будет продолжать жить, охраняемое и направляемое великими наставниками и учителями, которых она была посланником. *Она сама вновь будет скоро между нами продолжать свое дело*⁷...

Многим из нас покойная заменяла обожаемую мать, мы читали и любили ее личность, – но мы не должны забывать ее уроков: тело есть лишь внешняя одежда истинной индивидуальности. Не *это* настоящая “Н.Р.В.” лежит пред нами.

Она – та, которая вдохновляла стольких людей во всех концах земного шара благородным сочувствием к страждущему человечеству, подвизала нас к стремлению к высшим идеалам чистоты жизни и человеческого прогресса, – не может в помышлениях теософиста сливаться с ее физическим воплощением, служившим ей для *одной* краткой инкарнации.

Товарищи Теософисты! Всем нам известна единая цель жизни нашего славного учителя: познакомить человечество с великими истинами Теософии. Обязанность наша ясна... Руководствуясь ее примером, мы должны продолжать дело, если не с такой, как она силой и властью, – что пока еще нам невозможно, – то, по крайности, с самоотвержением и преданностью, способными доказать нашу благодарность и оценку великого дела, завещанного ею своим

---

⁴ Мисс Лора Купер, родная сестра Мрс Купер-Оклей, сопутствовавшей Е.П.Б[лаватской] в Адияре. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁵ За отсутствием Китли и болезнью Мида ближайшие ей люди. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁶ крематорий (*англ.* crematorium).

⁷ Ниже будет объяснение этой страшной надежды многих теософов, верующих различным степеням реинкарнации. – *Примечание В.П.Желиховской.*

последователям. К счастью, Елена Петровна Блаватская оставила его вполне и прочно организованным...

Мы верим твердо, что если б она могла восстать теперь пред нами, она снова повторила бы свой завет, – не нам одним здесь предстоящим, но всем – без различия рас, верований и происхождений: *“Чистая жизнь, открытый ум, честное сердце, ревность к познаниям, ясность духовного зрения, братская любовь к ближним, готовность учить и научаться, мужественное терпение в личных несправедливостях, смелое заявление своих правил, отважная защита неправедно гонимых, постоянное радение об идеале человеческого прогресса и совершенствования – идеал, на который указывают высшие священные науки, – вот золотые ступени, по которым желающим знать может достигнуть Храма Божественной Мудрости”*».

«Последовало непродолжительное молчание, – продолжают рассказывать очевидцы⁸, – и гроб, в коем покоилось тело величайшей теософистки, медленно скрылся в разверстых дверях крематориума; а два часа спустя прах ее возвратился в Главную квартиру и благовейно был поставлен в ее же комнатах».

Выше было мной указано на не совсем понятное [утверждение] для незнакомых с теориями некоторых теософистов, взятое ими на веру у буддистов. А именно, что помимо обязательных для всех реинкарнаций, обычным путем рождения в мир чрез более или менее продолжительные сроки, для *некоторых избранных*, – «коих карма такова, что подъяла их превыше автоматических законов природы», говорят они, – *существуют еще два рода воплощений непосредственных*. Эти воплощения «непосредственные» означают *немедленное* переселение трех высших принципов бытия человеческого – *Манаса, Бодди и Атмы*⁹ в самый момент их отделения от изнуренного жизнью тела адепта (не простого человека, а именно *адепта* или *челы* – ученика Махатм, уже достигшего высоких знаний) прямо в рождающегося в данный момент младенца. Или же если умирающий адепт достиг всех достоинств, пройдя все степени посвящения, – так и прямо в тело отрока или юноши, дабы такому редкому избраннику не терять времени – скорей взяться вновь за дело поучения простых смертных высшим законам природы и естества духовного. Для таковых избирается момент, когда возможно перевести дух юноши в организм новорождающегося (разумеется, его *высшие принципы* немедленно забывают прежнее существование), а в его здоровое, способное к работе тело немедленно вселяется дух адепта с сохранением всех его способностей и знаний, приобретенных в предшествующем или предшествующих существованиях...

Эту сложную теорию перевоплощений горячо поддерживает главный провозвеститель Теософии на буддистских началах: А.П.Синнет. Он убежденно объясняет своим читателям, что дух адепта, переселенного во младенца, приобретает сознание своей индивидуальности лишь по достижении совершеннолетия, тогда как высший избранник, для которого заготавливается оболочка взрослого человека, вполне пригодная для немедленного продолжения его благой деятельности¹⁰, – совсем не утрачивает нити сознания. Он, так сказать, очнувшись в новой квартире, тотчас признает себя и других и, принимаясь без перерыва за труды свои, старается лишь скрыть свою личность от профанов, чтоб не вводить их в соблазн... Тем не менее, *развитые духовно* друзья его

⁸ Я заимствую из нескольких описаний Июньской книги *Люцифера*. – *Примечание В.П.Желиховской*

⁹ Философия Буддизма проповедует, что человек имеет 7 принципов: 1) *Штуль-Шарира* – физическое тело. 2) *Джива* – жизненная сила. 3) *Лингуа-Шарира* – двойник, тень, астральное тело (perésprit). 4) *Кама-Рупа* – тело обмана, иллюзии, оборотень, сила превращать свое астральное тело в подобие зверя. 5) *Манас* – физическая интеллигенция, самосознание посредством пяти чувств – душа животная, имеющаяся у всех зверей. *NB*. Если *манас* успеет при жизни посредством духовного самосовершенствования человека слиться с его 6 и 7 высшими принципами, тогда личность его приобретает бессмертие индивидуальное, а нет, так со временем дух его сливается с общей *мировой* душою. Тотчас же после смерти такой человек обращается в *ишишмору*, что англичане зовут пустой скорлупой, «shell», а французы «un farfadet». Эти-то духи, пока не разложатся окончательно, и витают в ближайшем соседстве с землей, куда их притягивают не осиленные при жизни страсти; они-то и стучат в столы и материализуются в образы вызываемых на сеансах духов. 6) *Бодди*, душа человеческая, интел[л]игенция духовная. 7) *Атма* или *Брам* – самый высший принцип, луч или искра божества, дух чистый и бессмертный индивидуально. – *Примечание В.П.Желиховской*.

Современное написание – стхула шарира (Sthula Sharira), линга шарира (Linga Sharira), буддхи (Buddhi).

¹⁰ Далее зачеркнуто: *на пользу человечества*.

легко могут отождествить прежнее «эго» в новой оболочке и признать старого знакомого... Ожидания, что такой именно феномен может произойти и касательно Е.П.Блаватской, мотивируются двумя побудительными причинами. Во-первых, убеждением¹¹ Синнета и многих теософов, что она точно была очень высоким адептом – «единственным посвященным в таинства ок[к]ультизма лицом нашего столетия», как они ее величают, – деятелем на преуспеяние и пользу человечества, вполне достойным такого отличия. А во-вторых, «поразительным фактом неожиданности и как бы беспричинности ее кончины»... Но пусть он сам говорит за себя.

«Для подобного перемещения (трех высших жизненных принципов (*манаса, бодди и атмы, или брама*) адепта в физический организм молодого здорового человека) необходимо захватить данный момент, а потому тот, в интересах которого он должен состояться, обязан быть готовым к призыву во всякий миг – говоря условным человеческим языком, он непременно должен умереть совершенно неожиданно. Теперь удивительный факт в смерти Mme Blavatsky составляет именно ее *внезапность*. Хотя она болела в последнее время часто, так что *долго* в организме ее невозможно было бы поддержать жизни, тем не менее она чувствовала себя гораздо лучше, чем за многие дни до этого, и физические симптомы улучшения ее здоровья были так очевидны, что именно в то утро доктора поздравили ее с благополучным исходом ее болезни. Смерть ее в минуту ее наступления была происшествием совершенно неожиданным, всех поразившим, которое объяснено неотвратимыми физическими причинами быть не могло. В последние шесть лет *она три раза бывала оставлена врачами, заявлявшими решительно, что она не переживет и дня*. Из этих физических кризисов организм ее выходил победителем и жизнь ей бывала возвращена очевидно силами ок[к]ультическими, тогда как в последнем случае, когда ей, по-видимому, не было никакой причины умирать, – она закрыла глаза и скончалась мгновенно... Мне лично, – продолжает Синнет, – вывод из этого ясен: он явно указывает между прочими заключениями на возможность, что новая личность в тело, которой она ныне может быть облечена, если она не в ребяческом возрасте, может с течением времени быть *узнана и отождествлена кем-либо из нас, ныне живущих, прежде нежели придет нам черед быть призванными или дано нам позволение, – смотря по внутреннему состоянию, по духовному развитию каждого, – пройти самим чрез великое изменение*»¹².

Я передала *и это* мнение последователей учения сестры моей, как и все сколько-нибудь выдающееся в той области, которая ее окружала. Я считаю себя обязанной рассказывать не свои мысли и впечатления лично, а заимствую из всего, что писали о ней близко знавшие ее люди, разумеется, сымая с себя всякую ответственность в том, что заявляют о ней другие¹³. От себя я даже позволю себе заметить, что Mr Синнет и верующие по слову его рискуют отдать себя не только на посмеяние толпы, но и на обморочение каким-нибудь ловким и беззастенчивым теософистом, который их вызовет на признание в себе «высших принципов», когда-то одухотворивших основательницу Т[еософического] Об[щества].

XXV

Взглянув на еще нетронутый мной материал к биографии Е.П.Б[лаватской], на те хвалебные статьи и воспоминания о ее жизни, которые переполнили два десятка журналов теософской литературы по кончине ее и еще большее число непричастных ей газет¹⁴, я вижу, что мне надо отказаться от первоначальной мысли широко ими воспользоваться для доказательства, как ее ценят люди во всех странах света. Я приведу лишь некоторые отрывки из них и укажу на самые рельефные, как поминки ее на далеком Востоке. По выражению журнала «The Path», не имея возможности повторить мелодию всего «торжественного погребального марша, ее

¹¹ Далее зачеркнуто: *ego*.

¹² July, *Lucifer*, «A word from Mr. Sinnett» <«Речь мистера Синнетта»>.

¹³ Я вынуждена на такую оговорку многими замечаниями на прежние мои биографии и воспоминания о сестре газетами и журналами, неосмотрительно упрекавшими меня в чужих показаниях. – *Примечание В.П.Желиховской*.

¹⁴ *Теософист, Люцифер, Path, Theosophical Siftings, Light, Theosophical Forum, Vahan, Lotus Bleu, Aurore, Sphinx, Estudios Theosophicos, El Silencio, Teosofisk-Tidskrift, Prasnottara, Buddhist, Pacific Theosophist, New Californian, Anti-Caste, Pauses* и пр., которых не припомнить. – *Примечание В.П.Желиховской*.

сопровождавшего», я постараюсь передать его выдающиеся аккорды. Жалею, что нет у меня под рукою отдельного тома, составленного из статей в память «*H.P.Blavatsky*» (In memorial) и продающегося в пользу фонда ее имени, предназначенного на публикации и распространение Теософических сочинений.

Статьи о Е.П.Б[лаватской], самые замечательные справедливостью и глубиной взглядов, бесспорно те, которые принадлежат профессорам Hartmann'у, Buck'у и Mrs Besant, отличающиеся фанатической преданностью делу, а затем уже ей – статьи Sinnetta'a, Olcott'a, Mead'a, а самые полные безграничной верой и преданностью «*Великому учителю*», как сплошь называют Блаватскую последователи ее учения, – Бертрама Китли, Mr[a] Джэджа, Mrs Камбель-фер-Планк¹⁵ и некоторых индусов. Так как нам больше дела до нее самой, чем до ее Об^[щества], то, к примеру, возьмем письмо из 48 № *Люцифера* Mr Keightley.

«С того мгновения, как я впервые встретил ее взгляд, – пишет он, – во мне возникло чувство полного к ней доверия, как бы к старому испытанному другу. Это чувство никогда не ослабевало и не изменялось, разве крепло и росло по мере того, как я узнавал ее лучше. Не потому, чтобы я всегда понимал ее, – напротив! Сколько бесконечных ночей я провел, ища заключений, которых найти не мог. Но едва смотрел я в ее глаза и тотчас убеждался, что все хорошо – что она права так или иначе, и *всегда* уверенность эта оправдывалась... Часто месяцы, даже годы спустя, по мере того как мой нравственный рост позволял мне яснее и шире понимать вещи, я, оглядываясь на свое прошлое, изумлялся и невольно во мне пробуждалось сознание: “О! Как же глуп я был тогда, что не понимал этого!...”»¹⁶

Он рассказывает далее, как не любила «*H.P.B[lavatsky]*» вмешиваться в жизни людей без крайней нужды. Как он отчаянно колебался в первое время их знакомства, какой ему путь избрать?.. Он именно стоял на трудном жизненном перепутье и, ничего не видя за себя и не дождавшись до конца ее указаний, готов уж был избрать опасный, ложный путь. Он пришел к ней проститься, и тогда она его остановила, не советом остаться, не уезжать, а лишь *определением будущего несчастья*, которое он себе готовил, поступая известным образом... Руководясь ее предсказанием, он радикально изменил намерения свои и жизнь.

«Оглядываясь ныне на пережитые годы, – говорит он уверенно, – я ясно вижу, как она была права! Как те несколько слов, которые заставили меня остановиться, исполнились бы на мне с неотразимостью рока, если б я не внял ее голосу. Хотя с той поры долг моей признательности ей, ее руководящей и спасительной руке, возрос, как возрастает горная лавина из горсти снега, но я все же считаю те минуты самыми решительными в моей жизни»...

Как истинный эзотерист-теософ Китлей свидетельствует, что едва ли сможет он «преданностью *многих* существований» воздать за все благодеяния Блаватской. Он рассказывает, как заедали его безверие и материализм нашего века, как он вступал в жизнь лишь под охраной условной нравственности, шаблонного сознания чести и некоторой дозы юной сентиментальности и отвлеченной готовности восторгаться пред чужими добродетелями, в то же время сомневаясь не только в них, но и «во всем, *чего не могла доказать наука*»...

«Что мне готовила жизнь, что случилось бы со мной? – восклицает он. – Я погрузился бы в полный эгоизм, в самоуничтожение. От такой судьбы спасла меня “*H.P.B.*” своим учением, своими *экспериментальными демонстрациями* (феноменами), а более всего силой примера, собственной жизнью своей; она спасла меня, как многих других спасала!.. Прежде, нежели я узнал ее, – жизнь для меня была лишена идеала, достойного борьбы. Признание полного уничтожения, указываемого материализмом, за финальный акт бытия расхолаживало каждое великодушное движение мыслью о полной его бесполезности. Не видел я причины и цели гнаться за трудным, за высоким и далеким, когда всепожирающая смерть *должна* перерезать нить жизни, задолго до достижения намеченных благ. Даже смутная надежда принести пользу грядущим поколениям падала в прах при созерцании безумной, идиотской бесцельности и бесполезности жизненной борьбы...»

---

¹⁵ Кэмпбелл фер Планк Джулия (1851–1915) – жена Арчибалда Китли, член Теософского общества с 1886 г., писательница.

¹⁶ «What H.P.B[lavatsky] did for me» <<Что сделала Е.П.Б[лаватская] для меня>>, *Lucifer*, July 1891. – *Примечание В.П.Желиховской.*

От этого обессиливающего нравственного паралича, который тяжким гнетом душил мою внутреннюю жизнь и отравлял каждый час моего существования, – Елена Петровна Блаватская меня избавила, – меня и других!.. Не обязаны ли мы ей более чем жизнью?..

Продолжаю. Каждый мыслящий и чувствующий человек видит себя окруженным страшными задачами: со всех сторон сфинксы угрожают поглотить целые расы, если они не разгадают их загадок. Мы видим, что лучшие усилия приносят зло, а не пользу. Мрачная пустота обнимает нас... Где искать нам света?.. Елена Петровна Блаватская указала нам дальнюю звезду, что смутно сияет на пути времен; она научила тех, кто желал ее слушать, *искать внутри себя ее луч*; она указала к ней путь, обозначила маяки и опасности. Она заставила нас сознать, что человек настойчивый, умеющий забывать о себе в усилиях помочь человечеству, держит в руках своих ключ к задачам жизненных путей, ибо ум и сердце того человека переполняются мудростью, рожденной от любви и познания, очищенной от всякого себялюбия...

Вот что Е.П.Блаватская принудила многих признать за истину. Не достойна ли она благодарности?..»

Китли рассказывает, как старался он в продолжение пяти лет помогать ей «в благородной ее работе», как узнал ее в ежедневной близости, но сознает все же, что бессилён дать о ней полное понятие: «Лишь равный ей мог бы вполне постигнуть ее и воздать ей должное»... Вторично был он ею отослан в дальние страны, работать в Индии, месяцев за восемь до ее кончины: «Она не взирала на личные привязанности, когда дело шло об общей пользе, – говорит он, – прежде всего была она слугой человечества. Кто бы ни приходил к ней, искренно и честно прося ее о помощи, она давала ее радостно; ни один враг, ни один человек, оскорбивший ее несправедливо и жестоко, не бывал отвергнут¹⁷. Она сымала с себя одежду, она отымала кусок от своего рта, – чтобы помочь худшему врагу, если тот в нужде прибегал к ней... Братия! – кончает статью свою Б.Китли. – Будем трудиться и действовать, ибо время наше кратко, задачи велика, а самый лучший памятник возлюбленному учителю нашему – распространение света, рост учения, ею внесенных в мир!»

Так говорит англичанин, вернее сказать, *англичане*, потому что из них не один Б.Китли такого мнения о Е[лене] П[етровне]¹⁸; а вот для перемены мнение испанца, маркиза José Nifré¹⁹, делегата испанского Т[еософического] Об[щества], приехавшего на конвенцию Европейской секции, на которой и было им²⁰ сказано следующее:

«Основательница Т[еософического] Об[щества], посвященная в Божественную Мудрость, благородная женщина, которая с неподражаемым самопожертвованием отдала себя делу человеколюбия, делу распространения Вечных истин – умерла! Я не способен измерить последствия этого страшного непоправимого удара, оплакиваемой Об[ществом] нашим потери учителя его и создателя. Мое намерение скромнее: я желал бы говорить об узах, привязавших меня к ней, о том громадном влиянии, которое ее высокая душа имела на меня – на мои мысли, чувства, понятия о предметах нравственных и материальных – на всю жизнь мою, одним словом...»

Маркиз Шифре здесь объясняет, что так как его положение в этом случае не единичное, а тождественно со многими, имевшими счастье лично знать Е.П.Б[лаватскую], то он считает заявление о своем опыте полезным для всех и продолжает:

«В замечательной статье Мр[а] Синнета в “Review of Reviews” (Июнь 1891 [г.]) он совершенно верно сказал об Е.П.Блаватской: “Она главенствовала во всяком положении, в которое была поставлена, и должна была быть или глубоко любима, или же ненавидима всеми, кто приближался к ней. Она никогда не могла быть предметом равнодушия!”

---

¹⁷ Эту черту незлобивости и забвения зла, ей сделанного, все знавшие Е[лену] П[етровну] знают прекрасно. Она всегда была великодушна и щедра до самозабвения. Мрс Безант недолго знала ее, но в одной из своих статей в память ее прекрасно говорит об этом свойстве души Блаватской. Она рассказывает, что видела раз, как пришла к Е[лене] П[етровне] за помощью женщина, много и злобно ей вредившая, и никогда не забудет, с какою радостью она обласкала ее и помогла ей. Мы, ее близкие, знаем, что это истинная правда. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁸ Далее зачеркнуто: *Б.*

¹⁹ Шифре Хосе (1856–1920) – испанский теософ, перевел на испанский язык «Тайную Доктрину», «Разоблаченную Изиду», «Ключ к Теософии», выпустил семнадцать томов теософского журнала «Sophia».

²⁰ Далее зачеркнуто: *пр.*

По-моему, это показание замечательно справедливо, и я нимало не сомневаюсь, что братии мои, здесь присутствующие, с этим согласны. Когда я впервые приехал в Лондон с единой целью увидеть и познакомиться с “Н.Р.В[lavatsky]”, дарования которой произвели на меня глубокое впечатление, я понимал, что увижу замечательнейшую личность нашего века по уму и обширным знаниям ее одинаково. Чувство, привлекавшее меня к ней, было не простое любопытство, а всеильное влечение, чувство *suū generis*²¹, которое лишь может быть объяснено на основаниях ок[к]ультизма... Но действительность превзошла все мои ожидания. Первый взгляд ее на меня проникнул в душу мою и словно бы уничтожил во мне ту личность, какую был я дотоле. Процесс для меня новый, странный, неизъяснимый, но совершенно реальный²² и неотразимый свершился в самых тайных глубинах моей нравственной и духовной природы... Свершилось превращение и с той минуты прежняя личность с ее чувствами, склонностями, помыслами – исчезла!..

Не буду пытаться объяснить этот, по-видимому, поразительный факт, основанный, как и все, на великом законе *кармы*, но в моей памяти он никогда не изгладится... С каждым новым свиданием²³ во мне увеличивались привязанность, восторг, преданность ей. Ведь ей я обязан всем, что знаю: только узнав ее, я узнал спокойствие ума и нравственное равновесие. Она мне дала надежду на будущее, она внушила мне свои собственные благородные и великодушные принципы, радикально изменила мое будничное существование, подняв идеал жизни, указав мне высокую цель – в стремлении к задачам Теософии – в труде на благо и преуспевание человечества.

Смерть ее – горькое испытание для меня, как и для всех работников-теософистов, знавших ее лично и ей обязанных бессмертным долгом благодарности. Я потерял в ней друга и учителя, который очистил сквернь моей жизни, который возвратил мне веру в человечество. В великом примере ее мужества, самоотречения, бескорыстия и благородства я найду силу работать на дело, которое мы все обязаны защищать.

Да будет благословенная ее память!..

Дорогие братья и друзья, – вот те немногие слова, которыми я хотел вам высказать, что никогда не забуду, *чем* я ей обязан!.. Пусть враги и материялисты объяснят, если могут, силу влечения и власти Е.П.Блаватской, если же не могут – да умолкнут!

Древо познается по плодам его, – а действия будут судимы и оценены по их результатам».

---

²¹ единственное в своем роде (*лат.*).

²² Далее зачеркнуто: *действительный*.

²³ Далее зачеркнуто: *с ней*.